

Аркадий Гайдар

Жизнь ни во что (Лбовщина)

«ПАМЯТЬ» 1926

Аркадий Гайдар
Жизнь ни во что
(Лбовщина). «Память» 1926

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624396

ISBN 9785449684714

Аннотация

Эта повесть – памяти Александра Лбова, человека, не знающего дороги в новое, но ненавидящего старое, недисциплинированного, невыдержанного, но смелого и гордого бунтовщика, вложившего всю ненависть в холодное дуло своего бессменного маузера.

Содержание

Жизнь ни во что (Лбовщина)	5
ЧАСТЬ I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Жизнь ни во что
(Лбовщина)
«Память» 1926**

Аркадий Гайдар

© Аркадий Гайдар, 2019

ISBN 978-5-4496-8471-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь ни во что (Лбовщина)

ЧАСТЬ I

1. О чем ревели гудки Мотовилихинского завода

Над рекой, над хмурыми берегами застывшей Камы, в пяти верстах от Перми раскинулся по крутым холмам рабочий поселок – Мотовилиха...

В ночь на 13 декабря 1905 года этот поселок никоим образом не мог числиться входящим в состав Великой Российской империи, ибо за день перед этим он плюнул в лицо этой империи свинцом винтовочных пуль, отгородился от нее баррикадами из выломанных заборов и вывороченных ворот и глядел огоньками раскинувшихся домиков.

Чутко всматривался глазами мерзнувших на перекрестках часовых вниз, в темноту, где черная морозная ночь изменчиво прятала темные папахи казачьего отряда.

Рабочие пушечного завода, разбившись на десятки, заняли холмы, заняли перекрестки изломанных улиц, и всю ночь потрескивали и росли скелеты бесформенных, наспех сколоченных заграждений. И торопливо шныряли бессонные тени восставших в эту сумасшедшую по подъему и по энергии ночь.

У Малой проходной крепко засел десяток эсдеков, на углу

Камской выкинули красный флаг эсеры, и в темноте красный флаг казался черным черным крылом трепыхающейся птицы.

А на Висиме, на горе, светились костры, то и дело гулко тюхались сваленные бревна.

На Висиме тоже выростала баррикада, была она тяжела, неуклюжа.

Но крепка и прочна была Висимская баррикада.

– Бросай!.. Раз – бросай!.. Два... Ну, довольно, пока хватит.

Пламя костра, трепыхнувшись от ветра, озарило наваленную груды бревен и лицо высокого черного человека, приклонившегося к одной из вывороченных досок. Человек, видимо, устал возиться с баррикадой, тяжело и часто дыша, он отер рукой мокрый лоб, потом нервно плюнул и подошел к костру.

– Сядь, Сашка, – предложил ему кто-то, – передохни малость, ты ведь, дьявол, еще с самого утра не жрал ничего.

Но черный уставший человек ничего не ответил. Облокотившись на дуло старой берданки, он молча посмотрел вниз, под гору, и процедил негромко, сквозь зубы:

– Сдохнуть мне, если они завтра легко проберутся сюда.

В ночь на 13 декабря тревожно пели телеграфные провода Пермь Петербург.

В ночь на 13 декабря пермский губернатор не спал. В два часа ему доложили, что хорунжий седьмого Уральского полка Астраханкин и мотовилихинский пристав Косовский

ожидают его в приемной.

Губернатор вышел. Он был любезней, чем когда-либо, потому что честное имя хорошего губернатора находилось теперь всецело в руках запаянных в погоны офицеров. Он пожал им руки, но не одинаково, чуть-чуть крепче командиру отряда ингушей – хорунжему Астраханкину и чуть-чуть слабей приставу Косовскому, ибо он мало верил в организованность и боеспособность полиции.

Разговор был короткий и продолжался не более десяти минут, по истечении которых звякнули шпорами каблуки и от крыльца губернаторского дома торопливо умчались санки с рысаками пристава – направо и тени двух всадников – налево.

А с рассветом, застегивая кобуру револьвера и пробуя напоследок эфес шашки, хорунжий Астраханкин встал и, прежде чем подойти к лошади, задержался на минуту, вынул из бокового кармана карточку молоденькой белокурой девочки в пелеринке Петербургского института благородных девиц, вздохнул и положил ее обратно в карман.

Это было как раз в ту самую минуту, когда на тон стороне черный человек бросил последнее бревно на баррикаду и сказал громко:

– Кончено, ребята! Ну, теперь пусть идут...

И по рыхлому, рассыпчатому снегу поползли темные точки закутанных в башлыки ингушей.

Молча, без выстрелов, по улицам поселка, по перекрест-

кам, по чердакам, по огородам рассыпались засадами рабочие пушечного завода и ждали.

Но так было не долго. Как раз в тот момент, когда пальцы на «собачках» заряженных винтовок напрягались пружинами, когда стало чересчур уж тихо и чересчур нудно, с хрипом и клочкотом заревели вдруг гудки молчаливо насупившегося завода и над мертвой Камой, над закамским лесом, над взбунтовавшимся поселком понеслись тяжелым и тревожным эхом.

И назло тишине, назло нудному вою гудков, гулко треснул нервной дрожью и рассыпался первый выстрел, его поддержал другой, а в ответ сразу, беспорядочным огнем огрызнулись домишки, чердаки и заборы Мотовилихи...

К вечеру баррикады смолкли, и казаки врывались уже на улицы, и разбитые боевые дружины торопливо разбегались прочь.

В это время у черного человека был распахнут ворот замасленной блузы, и на голове у него не было шапки, и крепкими гайками были стиснуты губы. Он остановился у ворот какой-то хибарки, заложил последний патрон и быстро оглянулся: на пустой улице никого не было. Бешеная усмешка перекосила его крепко завинченные губы, он бросился налево и за углом, почти лицом к лицу, столкнулся с конно-жандармским патрулем.

– Стой! – крикнул один, блеснувши шашкой, – бросай винтовку, чертов сын.

Черный человек грохнул в упор из берданки в нападавшего стражника, огромным прыжком вскочил на забор и крикнул оттуда:

– Ваша взяла покуда, сволочи, но мы еще не кончили!

Пуля взвизгнула над забором и пронеслась мимо, за Каму, потому что человек отпрыгнул и кубарем скатился по крутому склону, по снегу, вниз.

– Вот дьявол, – удивленно проговорил один из стражников, – и как сиганул. Кто это?

Среди обширного списка арестованных по делу «вооруженного восстания в Мотовилихе» не значилось одного из ее деятельных участников – рабочего орудийного цеха Александра Лбова. Несколько раз полиция получала сведения, что он скрывается в Мотовилихе, несколько раз жандармы делали засаду в квартире его жены, но все безрезультатно.

Однажды ночью, когда полицейский офицер постучался в дверь, оттуда раздался выстрел, затем звякнуло вышибленное с рамой окно, и мимо одного из стражников промелькнула тень, которая, невзирая на поднявшуюся стрельбу, скрылась за поворотом.

Была морозная, туманная ночь, когда по придавленному поселку после восстания гулко ахнуло несколько винтовочных выстрелов. Их тревожное эхо долетело до спящих, и жена одного из рабочих, испуганно вскакивая с кровати, дернула за руку мужа.

– Вставай, Николай, Колька... Да вставай же, черт окаян-

ный, слышь, стреляют.

Тот повернул голову и спросил сонным, бессмысленным голосом:

– Куда?

– Да встань же ты, идол. Почему я знаю, куда? Господи, да что же это такое делается?!

Но выстрелы затакали так тревожно и так близко, что Николай Смирнов вскочил и, поспешно натягивая штаны, проговорил быстро:

– Ворота-то у нас заперты? Сбегай-ка посмотри. Да не зажигай огня, дура, о стражниках, что ли, соскучилась! Пой, дай-ка ключ от шкафа, там у меня бумаги кой-какие, так выбросить в сугроб пока надо, а то не равно, как жандармы.

В темноте ключ никак не попадал в скважину, тем более что рука слегка дрожала. Наконец дверца распахнулась, он только что протянул руку за бумагами, как жена его вскрикнула, а сам он вздрогнул, побледнел и застыл на месте: в окошко кто-то стучал.

– Кто там? – шепотом спросила его жена.

– Не знаю, – ответил Николай, – должно быть, полиция. Нет, это не полиция, – добавил он, вскакивая, – это кто-нибудь из наших.

Стук повторился. Быстрый, но не громкий. В нем была нервная торопливость, но не было властной грубости жандармского кулака.

– Кто здесь? – через окошко спросил Смирнов, глядясь в темный силуэт человека. И, не дождавшись ответа, удивленно вскрикнул, бросился в сени и торопливо открыл дверь.

– Чего, черт, долго как канителился? – чуть-чуть прерывающимся от усталости, но спокойным голосом спросил пришедший.

– Лбов! – удивленно крикнул Смирнов. – Александр, язви тебя в душу! Откуда ты взялся?

– После, – махнул рукой тот, – после. – И сам оглянувшись, вышел в сени, задвигал чем-то, потом опять вернулся назад.

– Кадушку с капустой к двери придвинь. Запор у тебя плохой, враз сорвать можно. – Потом помолчал и добавил: – Ты сделай себе хороший запор, а то, знаешь, если погибать, так чтобы было за что, а так, из-за ржавого крючка пропадать, не стоит.

Зажгли коптилку, и ее свет озарил угрюмо насупившего лицо Лбова, и ее красные лучи смешались с кровью, расплывшейся по изрезанной стеклом руке, рубиновыми искорками падающей на пол... Но Лбов как бы ничего не чувствовал, он сел у окна и, уставившись в темный угол, долго сидел молча, и только глаза его, при малейшем шорохе быстро поворачиваясь в сторону, тяжелым, долгим взглядом пронизывали темноту.

– Кончено, – сказал он наконец вполголоса и как будто бы чуть-чуть усмехнулся.

– Что кончено? – спросил его Смирнов.

– Все, брат, кончено. И восстание окончено, и моя голова тоже теперь конченная, потому что ворочаться назад поздно, да и охоты никакой нет ворочаться назад. Каждый день гудок, да каждый День станок – и так без начала и без конца.

Он замолчал.

Рассвет не приходил долго. С рассветом в избу пришло еще несколько человек, пришли товарищи, уцелевшие из партийного подполья, пришел и молчаливый Стольников, загнанный, затравленный, разыскиваемый полицией. И долго обсуждали, как быть и что теперь делать.

Было решено – на время горячки отправить пока Лбова и Стольникова в лес, в одну из сторожек верстах в десяти от Мотовилихи.

– В лес так в лес, – усмехнулся Лбов, – а только, я думаю, что теперь уж не на время, а на все время.

– Как так? – спросил кто-то.

– А так.

И он опять усмехнулся. У него была странная, быстрая усмешка: глаза его сразу чуть-чуть щурились, губы плотно, рывком, сжимались, и, прежде чем можно было уловить оттенок выражения его лица, все было на своем месте, и от усмешки не оставалось и следа.

– Слушай, Лбов, – спросил его один из подпольщиков, – скажи по правде, какой партии ты считаешь себя?

– Я за революцию, – коротко ответил он и замолчал.

– Ну мало ли кто за революцию – и большевики, и даже меньшевики, но это же не ответ.

– Я за революцию, – коротко и упрямо повторил он, – за революцию, которую делают силой. И за то, чтобы бить жандармов из маузера и меньше разговаривать... Как это, ты читал мне в книге? – обратился он к одному из рабочих.

– Про что? – спросил тот, не понимая.

– Ну, про эти самые... про рукавицы... и что нельзя делать восстания, не запачкавши их.

– Да не про рукавицы, – поправил тот, – там было написано так: «революцию нельзя делать в белых перчатках».

– Ну вот, – тряхнул головой Лбов, – я за это самое «нельзя». Поняли? проговорил он, вставая, и рукой, разрисованной узорами запекшейся крови, провел по лбу. – Вот я за это самое, – повторил он резко и точно возражал кому-то. – И если бы все решили заодно, что к чертовой матери нужна жизнь, если все идет не по-нашему... если бы каждый человек, когда видел перед собой стражника, или жандарма, или исправника, то стрелял бы в него, а если стрелять нечем, то бил бы камнем, а если и камня рядом нет, то душил бы руками, то тогда давно конец был бы этому самому... как его. – Он запнулся и сжал губы. Посмотрел на окружающих. – Ну, как же его? – крикнул он и чуть-чуть стукнул прикладом винтовки об пол.

– Капитализму, – подсказал кто-то.

– Капитализму, – повторил Лбов и оборвался. Потом за-

кинул винтовку за плечо и сказал с горечью: – Эх, и отчего это люди такие шкурники? Главное, ведь все равно сдохнешь, ну так сдохни ты хоть за что-нибудь, чем ни за что.

Был рассвет, когда конный разъезд стражников увидел возле того берега Камы быстро скользящие на лыжах две фигуры. Это Лбов и Стольников уходили в лес. Из-за глубокого снега гнаться на конях за беглецами было нельзя. Стражники прокричали, погнались по берегу, дали вдогонку несколько бесцельных выстрелов и успокоились.

Солнце зимними красными лучами прорезало верхушки окаменевшего леса как раз в ту минуту, когда две тени остановились и, обернувшись, посмотрели еще раз назад. Туда, где туманный город и каменные стены, где у каменных стен губернаторский дом с трехцветным флагом, а под трехцветным флагом – казачий хорунжий Астраханкин с карточкой белокурой девицы на груди и с сотней ингушей за собой. Туда, где, скрепленный раззолоченными винтиками чиновничьих пуговиц, улыбался город уютными занавесочками морозных окон.

И две тени молча усмехнулись и исчезли в лесу...

2. Отчего было скучно Рите Нейберг

На безымянном пальце Риты блесело кольцо – простое кольцо из червонного золота с большой каплей крови, внутри которой светился огонек. Из-за этой рубиновой безделушки Рита уже несколько раз ссорилась с отцом, потому что он считал дурным тоном носить умышленно грубо сработан-

ное кольцо на пальцах двадцатилетней девушки, к тому же только недавно окончившей Петербургский институт.

Пальцы у Риты – тонкие и длинные, а лицо – матовое. Рита умеет замечательно командовать своим лицом. Например, сегодня, когда она вышла к обеду, то отец чуть не вздрогнул, взглянув на ее глаза, и спросил с испугом:

– Что с тобой, моя детка?

Но Рита ничего не ответила. И только тогда, когда он повторил вопрос три раза и покраснел даже от волнения, она проговорила, не глядя ему в глаза, не глядя на стены и вообще никуда не глядя:

– Мне скучно.

– Ну, вот, вот еще, – сразу повеселев, заговорил отец, – как это так, молодой девушке может быть скучно? Послушай, Юрий, – обратился он к вошедшему молодому гвардейцу, своему сыну, – послушай, – и он удивленно и ласково пожал плечами, – ну отчего бы ей могло быть скучно?

– Замуж охота, вот и скучно, – ответит тот. – Тут, папаша, такая пора; я знал одну польку, так она шестнадцати лет...

– Ты дурак, Юрий, и пример у тебя всегда дурацкий, а вдобавок ты имеешь несчастье повторяться по десять раз! – вспыхнула Рита.

Кожа на ее щеках стала еще смуглей, и белые зубы сердито сверкнули через прорез гибких, изломанных стрелочками губ.

К обеду пришел хорунжий Астраханкин, он сел рядом

с Ритой и рассказал ей пару забавных анекдотов, смысл которых, кстати сказать, Рита так и не поняла. И потом, очевидно желая сказать ей что-то приятное, наклонившись, на ухо сказал вполголоса:

– Знаете, Рита, когда я на днях вспомнил вас, почти что перед самой перестрелкой с мотовилихинскими бунтовщиками, я вынул вашу карточку и, знаете, что с ней сделал?

– Привязали к темляку вашей шашки? – насмешливо спросила Рита.

– Нет, – он наклонился к ней еще ближе, – я поцеловал ее, и это вдохновило меня

Но Рита терпеть не могла умышленного подчеркивания интимности, она откинула голову назад и спросила громко, исключительно назло ему:

– А на что тут было вдохновляться? Говорят, у них патронов вовсе не было, а потом стреляли они из каких-то допотопных ружей. И скажите, пожалуйста, – добавила она вдруг резко, – что это за манера таскать карточку на разные жандармские операции?

Астраханкин ничего не ответил, он покраснел и почувствовал, что Рита обращается с ним, как со школьником, медленно повернул голову, положил руку на эфес отделанной серебром кавказской шашки и подумал: что бы такое сделать для того, чтобы заставить Риту увидеть в нем хорунжего седьмого Уральского полка, а не гимназиста последнего класса? Он откашлянулся, собираясь сказать что-нибудь

умное, но по какой-то странной случайности умного в голову, как назло, ничего не приходило, а все лезла одна ерунда.

Но его выручил молодой гвардеец, который, прожевывая кусок ростбифа, спросил его:

– А скажите, у казачьего седла стремяна на два или на три пальца подаются вперед?

– На два, на два, – ответил тот, довольный, что нашел тему для интересного разговора. – Но у меня, например, на три – это красивей. Конечно, тут большую роль играет, насколько подтянут джигитник, и потом, если кобыла, например, жеребая...

Рита гневно взглянула на хорунжего и встала.

Она ушла к себе в комнату и попробовала читать новый роман, который вчера горячо расхваливала ей кузина. Но с первых же строк роман оскалился игриво-слащавой улыбкой и на вторую минуту, отброшенный с силой, полетел в угол.

Рита подвинула к себе местную газету, где бросилось ей в глаза объявление о том, что «молодой человек, холостой, ищет место управляющего»

«Боже мой, как все скучно, – подумала Рита, – неужели же нет ничего нового?..»

Она уже собралась закрыть газету, как взгляд ее упал на маленькую, короткую заметку, в ней говорилось, что на днях жандармы обстреляли двух неизвестных, которым удалось все же скрыться на лыжах в лесу.

Рита зажмурила глаза, не закрыла, а именно зажмурила и представила себе холодный, шелковый пух снега, окаменевшие вместе с тишиной деревья и две тени, беззвучно и легко скользящие по снегу, – вот где, должно быть, дышать хорошо. Воздух такой морозный, тихий. Рита вдохнула в себя, и в голову ей ударил запах пряно-мutorных духов, она сверкнула глазами и увидела перед собой Юрия и Астраханкина.

– Кто вам позволил приходить сюда не постучавшись? – рассерженно спросила она.

– Не горячись, сестрица, – лениво перебил ее гвардеец, – мы пришли спросить тебя, будешь ты сегодня на балу у прокурора?

– Нет, не буду, – ответила Рита, быстро соскакивая с дивана, – и вообще... – окидывая обоих недовольным взглядом, она добавила: – И вообще, отстаньте вы от меня.

Она повернулась и хотела выйти, и вдруг мягкая улыбка скользнула по ее лицу, она посмотрела на Астраханкина и сказала ему капризно:

– Знаете что, я хочу, чтобы вы достали лыжи: и мне, и себе, и ему. Ни зачем. Хочу, вот и все. Мы будем кататься.

Астраханкин, обрадованный таким счастливым оборотом дела, щелкнул каблуками, рассыпаясь весь в звонах кинжала, шашки, шпор, и сказал, изгибаясь:

– Ваше желанье – для меня закон.

Когда они вышли, Рита уселась на диван, и в глаза ей опять попала та же коротенькая заметка. Она повернула голову к стеклу и долго смотрела на причудливые узоры замерзшего окошка. И по какой-то неведомой ассоциации ей вспомнились почему-то сначала гладкий, напояженный пробор гвардейца, потом эффектные, но истасканные фразы хорунжего Астраханкина, потом сумрачно-седой, молчаливый до тайны закамский лес и две темные, куда-то и зачем-то убегающие тени.

И в первый раз за весь день Рите Нейберг стало по-настоящему скучно.

3. Тяжелый день титулярного советника Чебутыкина

Это был замечательный день. На продолжении тридцати пяти лет жизни у служащего пермского почтамта титулярного советника Феофана Никифоровича Чебутыкина не было такого яркого и насыщенного всевозможными событиями дня.

Даже тогда, когда его жена родила двойню, даже тогда, когда внезапно с перепугу умерла его теща, – даже те замечательные дни бледнеют перед тем, что случилось за сегодняшние какие-нибудь пятнадцать часов.

Во-первых, в девять утра, едва он пришел в почтамт и прежде чем он успел раздеться, сослуживцы обступили его с поздравлениями, столоначальник подозвал к себе и показал ему бумагу, в которой значилось, что государь император за беспорочную службу жалует его, Чебутыкина, бронзовой

медалью для ношения ее на груди.

Справедливость требует отметить, что, получивши такую грамоту, Чебутыкин возгордился давно ожидаемой монаршей милостью. Но та же самая справедливость заставляет отметить и то, что препроводительная бумага из губернского правления сильно охладила его пыл, ибо в ней говорилось, что стоимостъ этой медали, а именно один рубль и сорок копеек имеют быть удержанными из его тридцатирублевого оклада.

И в душе чиновника мелькнула некая крамольная мысль такого рода, что неужели у государя императора без этих «1 руб. 40 коп. «образуется в казне дефицит и какой же это, с позволения сказать, подарок, когда за него деньги берут да еще втридорога, ибо кругленькому кусочку бронзы и маленькой ленточке полтинник красная цена?

Но так как особа государя императора стояла в его глазах выше всяких подозрений, то Чебутыкин взроптал на окружающих его министров и вообще на сильных мира сего, обвиняя их в стяжательстве и корыстолюбии. Вслух же высказал своему соседу, канцеляристу Епифанову, пожелание, чтобы та сквалыжная душа, которая выдумала этот вычет, подавилась этим самым рублем и сорока копейками.

Но канцелярист Епифанов, будучи человеком положительным, а также желая установить хорошие отношения с начальством, доложил об этих возмутительных словах начальнику стола, начальник стола – начальнику отделения, на-

чальник отделения – начальнику почтамта, и через двадцать минут перепуганного Чебутыкина вызвали к самому.

Через тридцать же он вышел оттуда красный и взволнованный, а через сорок в очередном приказе по учреждению «за дерзостные отзывы о начальствующих лицах и за своевольные политические рассуждения» титулярному советнику Чебутыкину был объявлен строгий выговор с предупреждением.

«Господи, да что же это такое, – думал ошарашенный Чебутыкин, пятнадцать лет сидел без всякого внимания, и вдруг за один день и награда, и выговор? А, главное, какая несправедливость».

И в первый раз за [все] время Чебутыкин, сильнее чем обыкновенно, ткнул штемпелем по конверту и, почувствовав себя глубоко обиженным, подумал про себя: «Да... теперь я вижу, кто плодит революционеров. Поневоле тут станешь...»

Но тут он оборвался, потому что столоначальник пристально смотрел на него. И побледневший Чебутыкин возблагодарил господ за то, что столоначальник чужие письма читать может, но чужих мыслей читать ему еще не дано.

В два часа бубенцы почтовой пары зазвенели у крыльца. Чебутыкин надел поверх форменной шинели казенный тулуп, доходивший ему до пяток, поднял воротник, выставившийся на пол-аршина над его головой, и, захватив почтовую сумку, сел в широкие, выложенные сеном сани.

Бубенцы зазвякали, сани запрыгали по ухабам пермских

улиц. Потом, за городом, когда дорога пошла ровнее, Чебу-
тыкин, подавленный событиями прошедшего дня, свесил го-
лову и задремал. Он чуть было не проснулся от сильного
толчка, но решил, что, должно быть, ямщик остановился, по-
встречавшись с кем-нибудь, тем более что сквозь сон услы-
шал несколько отрывистых фраз И опять закрыл глаза, а ко-
гда сани тронулись, задремал еще крепче, так и не разобрав-
ши, в чем дело.

Прошло еще некоторое время, сани вдруг опять резко
остановились. Чебутыкина сильно потрянуло, он высунул го-
лову из воротника и спросил, недоумевая:

– Что тут такое?

Перед Чебутыкиным стояли три жандарма, они заглянули
в сани, один ткнул даже ножной шашки в сено и спросил,
не встречался ли им кто-либо в пути?

Но Чебутыкин ответил, что он ничего не видел, так как
немного задремал, может быть, ямщик кого-нибудь видел?

А ямщик ответил, что действительно видел каких-то двух
человек по дороге не очень далеко отсюда и что люди те ма-
хали ему рукой, чтобы он остановился, но он решил лучше
не останавливаться.

Услышав такое сообщение, жандармы, вскочив на коней,
умчались дальше, оставив Чебутыкина в немалом беспокой-
стве и волнении.

– Что такое, кого они ищут? – спросил он кучера. – Да
чего же ты молчишь, дурак?!

– Кого-нибудь уж ищут, – уклончиво ответил возница. – Такое уж их дело.

При звуке этого голоса Чебутыкин вздрогнул и посмотрел на кучера.

«Что такое, – подумал он, потирая себе виски, – как будто, когда я выезжал, кучер был у меня ростом меньше и вроде как волосы у него были рыжие, а этот – гляди-ка...»

– Послушай, добрый человек, – с невольным смущением проговорил Чебутыкин после нескольких минут быстрой езды, – послушай-ка, куда ты так гонишь, и скажи на милость: откуда ты взялся?

Но кучер не отвечал ничего, он с бешенством нахлестывал лошадей, сани неслись по дороге, перепрыгивая через ухабы так, что Чебутыкину невольно стало страшно.

– Послушай-ка! – крикнул он и замолчал, потому что человек обернулся и ответил ему резко:

– Сиди смирно, а не то получишь.

И душа у Чебутыкина сделалась маленькой, едва не выпорхнула из саней, потому что черный человек распахнул полу овчинной шубы и из-за пояса выглянул длинный и холодный револьвер.

Когда из-за лесной гущи вырвались вдруг навстречу домики поселка, ямщик обернулся, натянул левой рукой вожжи и, сдерживая бег лошадей, сказал Чебутыкину:

– Войдем сейчас в избу, и чтоб ни слова. Понял? – и локтем слегка пожал чуть-чуть оттопыривающийся правый бок

шубы, а душа у ошарашенного Чебутыкина стала опять маленькой-маленькой.

В почтовой избе былолюдно и накурено. Через клубы густого пара Чебутыкин увидел пьющего чай стражника, возле которого оживленно разговаривало несколько человек.

Чебутыкин сделал было шаг, но в ту же секунду почувствовал, что локоть его попал в какие-то завинчивающие тиски. Он едва не вскрикнул от перепуга и остановился.

– Почта? – спросил стражник, окидывая взглядом форменную фуражку Чебутыкина. – А скажите, господин, с вами за дорогу ничего не случилось?

– Ничего, ничего, – ответил он придавленным голосом.

– А скажите, не повстречались ли вам конные жандармы?

– Повстречались.

– И никого они с собой не вели?

Услыхав, что стражники никого не захватили и что с почтой ничего особенного не случилось, стражник удивленно пожал плечами и пробормотал про себя что-то вроде того: «Да куда же эти черти делись?»

Чебутыкин опять хотел крикнуть, что хотя почту никто не обобрал и сумка у него в руках, но что это видимость одна, потому что...

Но локоть опять начал зажиматься в клещи ямщиковой пятерни, и ямщик сказал ему тихо на ухо:

– Давай, едем.

Чебутыкин беспомощно посмотрел на пьющего чай

стражника и, понутив голову, направился к выходу.

– Пойдите, господин, господин, – проговорил стражник, вставая и пристегивая шашку, – я все-таки с вами поеду. А то, не равно, как не вышло бы чего худого.

В первую секунду Чебутыкин страшно обрадовался, но почти сейчас же понуро опустил голову и искоса смотрел на ямщика.

– Давай садись, ваше благородие, – проговорил тот, – место в санях есть, а кони хорошие, скорей только, торопиться надо.

Стражник и Чебутыкин сели рядом, ямщик рванул сразу с места. Ямщик теперь чувствовал, что позади него сидит человек с револьвером, и он поминутно чуть-чуть поворачивал голову назад, не выпуская руку из-под полушубка.

– Вот гонит! – с восхищением сказал Чебутыкину стражник. – Хоро-ший ямщик.

Но хороший ямщик, доехав до первого ухаба, резко повернул лошадей, сани перевернулись, и, прежде чем Чебутыкин и ругающийся стражник успели пошевелиться в глубоком сугробе, над их головами блеснуло тонкое и длинное, как осиное жало, дуло маузера, и ямщик сказал негромко:

– Стоп, не шевелиться... и лежать смирно.

Так как оба лежали в сугробе, он, отскочив в сторону, полез в снег за отброшенной почтовой сумкой. Снег был глубокий, выше колена, и пока он доставал ее, стражник успел вскочить на ноги, рванул к кобуре и выхватил оттуда ре-

вольвер.

Но прежде чем он успел нацелиться, тяжелая сумка ударила ему в голову и снова сшибла с ног. Падая, стражник наугад выстрелил, и почти одновременно черный человек блеснул огнем своего маузера и пригвоздил его выстрелом к снегу.

Ямщик схватил опять сумку, обернулся назад и, заметив на горизонте мчавшихся на выстрелы, очевидно, вернувшихся жандармов, бросился к лошадям.

Крепкая ругань сорвалась с его губ: оглобля санок была переломлена. Бежать по дороге было бы бесцельно, бежать в сторону из-за глубокого снега нельзя. Он выскочил на дорогу, обернулся еще раз, соображая, что бы это такое сделать.

Как вдруг он насторожился, отскочил в сторону и, выхватив свой маузер, вскинул его на захрустевшие придорожные кусты.

Мягко скользнув по снегу, оттуда выехала стройная девушка, охваченная серой, мягкой фуфайкой, с тонкими бамбуковыми палками в руках. От быстрого бега она слегка запыхалась и сейчас, столкнувшись с маузером, увидав опрокинутые сани и валяющихся людей, слегка вскрикнула и остановилась.

– Дай лыжи, – коротко сказал ей Лбов.

Она вскинула на него глаза и, совершенно не обращая внимания на маузер, как будто бы не из-под угрозы, а по доброй воле, легко соскочила на дорогу и воткнула палки в снег.

– Возьмите.

Ремни были маловаты, но перевязывать их было некогда, и человек с трудом всунул в отверстие сапоги и схватил палки. Перед тем как оттолкнуться, он встретился с глазами незнакомки.

– Я вас знаю, – после легкого колебания сказала она. – Вы Лбов.

– Я Лбов, – ответил он, – а я вас не знаю, – он посмотрел на тонкую, теплую, плотно охватившую ее фигуру фуфайку, на мягкие фетровые бурки и добавил: – А я не знаю и знать не хочу.

Зигзагообразной складкой дернулись губы девушки, она откинула голову назад и спросила:

– Вы невежливый? Я Рита... Рита Нейберг.

– А мне наплевать, – ответил он, – и вообще, на все наплевать, потому что за мной гонятся жандармы.

Он сильным толчком выпрямил сжатые руки, и лыжи врезались в гущу кустов. Еще один толчок – и он исчез в лесу...

– Сволочь, – сказала Рита в бешенстве, – взял лыжи и хоть бы спасибо сказал... И кого это он убил?.. Даже двух.

Пересиливая отвращение, она с любопытством заглянула за сани.

– Барышня, – окликнул ее вдруг кто-то из сугроба, – барышня, он уже ушел?

«Один не умер еще», – подумала Рита и подошла к Чебу-тыкину.

– Он ушел?

– Ушел, ушел, – ответила она, – а вы ранены?

– Нет, я не ранен, а так.

– То есть как это так? Чего же вы тогда дураком лежите в сугробе? крикнула Рита. – И как это вам было не стыдно. вдвоем с одним справиться не могли?

Чебутыкин забарахтался, выполз из сугроба и, стараясь вложить в слова некоторую убедительность, сказал ей:

– Мы и так сопротивлялись, но что же мы могли?..

– Молчите, и ни слова, – презрительно сквозь зубы сказала Рита, потому что с одного конца торопливо на лыжах приближались два отставших ее спутника, встревоженные выстрелами, а с другой – во весь опор мчались конные жандармы.

Зимнее солнце скользнуло за горизонт как раз в ту секунду, когда стражники соскакивали с коней.

– Ограбили-таки!.. – громко крикнул один из стражников. – И кто это мог подумать, что он вместо ямщика... Из своих рук прямо выпустили. Ваше имя? спросил он Чебутыкина.

Чебутыкин с достоинством отвернул шубу, чтоб виднее были форменные пуговицы на тужурке, и хотел медленно и толково ответить, но унтер-офицер не дал ему закончить и сказал резко:

– По подозрению в сообщничестве с государственным преступником, разбойником Лбовым, вы арестованы.

Унтер-офицер любил торжественные фразы, но от этой торжественности у титулярного советника Чебутыкина захватило дух — он хотел что-то сказать, но не смог и только подумал: «Господи, ну и день... Господи, и какой же это удивительно проклятый день!»

4. В землянке, занесенной снегом

Пробежав на лыжах верст пять, Лбов остановился. Он вытер рукавицей взмокший лоб и сел на сваленное и заметенное снегом дерево. Было почти совсем темно, снег стал матовым, а деревья слились в одну крепкую, черную тень. Лбов посмотрел на сумку, хотел открыть ее, но сумка была заперта, он вынул нож, собираясь ее надрезать, но раздумал, потому что в темноте можно было выронить что-либо или растерять ее содержимое потом по дороге.

«Здорово, — подумал он и вынул из кармана револьвер, захваченный у убитого стражника. — Смит, — решил он, — ну и то ладно, пригодится». Он повернул несколько раз барабан, положил револьвер обратно, встал на лыжи и поехал дальше. В темноте ветки хлестали по лицу, и голову часто обсыпало мелкой снежной пылью, падающей со встряхиваемых кустов.

Часа через полтора он добрался до такой гущи, что огонек землянки вынырнул вдруг — только перед самыми глазами.

Стольников был дома, он выскочил на двор и крикнул удивленно:

— Сашка! Откуда тебя в этокое время? Я думал, ты в Мотовилихе заночуешь.

– Было дело, – коротко ответил Лбов и, подходя к сениям, спросил: – А у нас кто еще?

– Двое из наших, Степан Бекмяшев и потом еще один – Федор.

– Что за Федор? – с удивлением спросил Лбов и наморщил лоб. Он был осторожен и не любил, когда к нему приходили новые незнакомые люди.

– Свой человек, заходи скорей, узнаешь.

Лбов вошел, не здороваясь, сел на лавку и, показывая пальцем на нового человека, спросил прямо у Степана:

– Он кто?

– Из питерской боевой организации, – не менее прямо ответил Степан, да ты не думай ничего, шальная голова, мы ручаемся.

– Я не думаю, – проговорил Лбов и, повернувшись к Федору, сказал коротко: – Ну, говори!

Питерский товарищ с любопытством посмотрел на Лбова.

– К тебе скоро приедут еще четыре человека.

– Зачем они мне? – И Лбов мотнул головой.

– Как зачем, вместе лучше! У вас будет тогда настоящая боевая группа...

– Группа, – повторил Лбов и задумался, точно само это слово внушало ему некоторое подозрение. – Как ты сказал – боевая группа? А кто в ней будет?

– Два анархиста, один эсер и один социал-демократ.

– Я не про то спрашиваю, я спрашиваю: ребята надежные?

– Посмотришь – увидишь. Как у тебя насчет оружия?

– Плохо, – ответил вместо Лбова Стольников, – револьверов много, по Мотовилихе обыски повальные, ребята все сюда направляют на сохранение, а винтовок – всего одна.

– Привезут, – сказал Федор, – нужны только деньги. Ты достань денег.

Лбов с минуту подумал, потом поднял сумку, раскрыл нож и провел им по коже. Целая пачка писем вывалилась на стол. Распечатали. Денег было около тысячи рублей. Триста Лбов тут же отдал Федору. Триста оставил себе, а остальные передал Степану.

– Это вам пока на подпольную, – добавил он, – будет с вас, ведь вам все равно на разговоры.

– Как на разговоры? – И Федор удивленно переглянулся со Стольниковым и Степаном.

– А так, на разговоры, – повторил Лбов. – Я понимаю – оружие покупать, бомбы; ты скажи, чтобы больше бомб привозили, беда как люблю бомбы – на это я понимаю, а что зря языками трепаться. Да скажи, чтобы к маузеру мне патронов привезли, – добавил он, опять срываясь на прежнюю мысль, – побольше патронов, мне очень нужны хорошие патроны. – Потом он помолчал и, точно принимая окончательно какое-то решение, добавил: – И хорошие ребята тоже нужны. Только такие, которым бы на все наплевать.

– Как наплевать? – не понял его Федор.

– А так, в смысле жизни.

Вскипятили чай, а за чаем много говорили. Лбов оживился, его темные глубокие глаза заблестели и, крепко сжимая руку петербургского товарища, он сказал:

– Так пусть приезжают, пусть обязательно приезжают, мы тогда такое, такое устроим, что они дрожать будут, собаки.

Потом сел на лавку и спросил:

– У тебя книжки с собой нет?

– Есть, – и Федор подал ему. – На, читай пока.

– Я не могу сам, – резко ответил Лбов и с досадой сжал губы. – Учиться не у кого было, – добавил он зло.

Он не любил, когда ему приходилось вспоминать о своей безграмотности. Это было его болезненное место.

– Я прочитаю, давай слушай, ребята! – и Степан взял книгу.

Огонек лампы тускло дрожал в задавленной лесом, в заметенной снегом землянке. И три бородатых человека молча слушали четвертого, и из маленькой затрепанной книжки выпадали горячие готовые слова, выбегали горячими ручейками расплавленных строчек и жгли наморщенные лбы пропавших голов.

– Читай, читай, – изредка говорил Лбов, когда Степан останавливался, чтобы передохнуть, – начинай опять с прежней строчки.

– «...теперешнее правительство само порождает людей, которые в силу необходимости должны переступить закон.

И правительство, с неслыханной жестокостью, плетьюми и нагайками пытается взнудать этих людей и тем самым еще больше ожесточает их и заставляет их решиться: или погибнуть, или попытаться разбить существующий строй...»

— Это про нас, — перебил Лбов, — это написано как раз про нас, которые жили, работали и которым некуда теперь идти. Для которых все дороги, кроме как в тюрьму, закрыты до тех пор, пока будут эти самые тюрьмы. Давеча вот ты читал что-то насчет цены...

— Ценности, — поправил Федор.

— Насчет ценности. Это лишнее. А вот про это, про что ты читал, писать надо. И потом, достань мне, милый друг, где-нибудь книжку, в которой написано, как самому делать бомбы.

— Хорошо, я пришлю, — сказал питерец и с удивлением посмотрел на Лбова: сколько в нем энергии, неорганизованной воли и ненависти.

И питерский товарищ подумал, что хорошо бы частицу этой глубокой, сырой ненависти вселить в умы рабочих столицы; тех, которые, сдавленные жандармскими аксельбантами после проигранного восстания, начинают опускать головы и падать духом.

Они долго еще говорили.

В эту снежную, темную ночь долго трепыхался огонек в маленьком окошке лесной землянки, и в эту ночь выросла из сугробов заброшенная землянка, выросла и бросила вы-

зов городу, застывшему над берегом Камы.

Но город усмехнулся в ответ сотнями огней. Был он закован в каменные стены, был он богат белым серебром винтовочных пуль и красной медью казачьих шашек.

Усмехнулся и не принял вызова город.

5. Странное появление...

С первым пароходом шестеро рабочих Сормовского завода, приговоренных к смертной казни, бежали из Нижнего Новгорода в Мотовилиху. Несколько дней они трепались с гармошкой без дела по улицам, был их коновод Митька Карпов голосист, и черный чуб чертом выбивался из заломленного картуза.

Однажды вечером, когда всей гурьбой они шатались по улицам, с ними встретился конно-казачий патруль и потребовал предъявления документов. И ловко закинулась гармошка на спину, и быстро вынырнули из глубины карманов револьверы, и громко ахнули шесть выстрелов в гущу казачьего патруля.

Наклонился набок стражник Ингулов и, падая, выстрелил и прошиб шею Митьке Карпову, которого подхватили товарищи и под выстрелами унесли прочь.

– Стой! – крикнул около одной из хат Симка-сормовец. – Они нагонят нас, давай стучись в эти ворота. Тут свой человек живет.

Калитку отперла хозяйка, и все шесть ввалились в сени.

– Дома хозяин?

– Нету! Нету! – испуганно заговорила хозяйка. – Да куда же вы идете, у меня там чужой человек сидит.

– Стой, стой ребята... Кто это чужой человек?

– Еврейка какая-то попросилась переночевать.

На улице послышался топот, и тяжело дыша, громыхая шашками, пробежали мимо городовые.

– Вот те и ядрена мамаша, – почесывая голову, проговорил Симка, – а что ж теперь делать-то и на какой черт впустила ее? Ну все равно на улицу теперь не выйдешь, леший с ней, с бабой.

Митьку ввели в хату. Черная женщина лет тридцати пяти с распущенными волосами испуганно вскочила с лавки, когда увидела перед собой шестерых незнакомых человек и кровь, расплывавшуюся по шее и лицу одного из них.

– Откуда это? – спросила она, запахивая распахнутый ворот кофточки.

– Оттуда, – коротко ответил Симка и выругался. – Дайте же чем-нибудь человеку шею перевязать, али не видите, как у него кровь хлыщет?

Женщина быстро раскрыла дорожную сумку, вынула оттуда бинт, надломил стеклянную пробирку с йодом и умело начала перевязывать раненого.

– Ишь ты, – удивленно сказал Симка, – и откуда это она, на наше счастье, взялась? Ты кто хоть такая?

Но прежде чем она успела что-либо ответить, в окошко постучали. Ребята схватились за револьверы. Распахнулась

дверь, вошел хозяин квартиры Смирнов, и с ним Лбов.

Лбов вошел, как будто бы давно был со всеми ребятами знаком. И заговорил быстро:

– Давай раненого оставьте здесь, завтра к нему придет доктор. А все остальные – за мною. А то полиция тут так и кружится, я насилу прорвался.

Ни у кого в голове не мелькнуло даже и мысли послушаться его, и все пятеро направились к выходу, но Лбов вдруг быстро шагнул вперед, крепко стиснул руку незнакомой женщины и, дернувши ее к свету, спросил с удивлением у хозяина:

– А это кто? Откуда еще тут такая?

– Не знаю, – смущенно ответил тот. – Это баба без меня кого-то пустила.

– Просилась переночевать, рубль дала, вот я и впустила, – запальчиво ответила жена. – У тебя, у черта, хоть копейка есть? К завтраму жрать нечего, а ты вон чем занимаешься.

Муж не ответил ничего. Лбов нахмурил брови, достал из кармана десятку, положил на стол, потом сказал:

– Оставить тут ее нельзя, черт ее знает, что за человек, а кроме того, у баб языки длинные. Одевайся валяй.

Но черные, точно выточенные брови еврейки даже не двинулись – она молча накинула пальто, яркий цветной платок и вышла на улицу.

Два раза от разездов шарахались все в темноту.

Чтобы не навлечь полицию на оставленного раненого, Лбов умышленно избегал перестрелки.

На берегу Камы он легонько свистнул и замолчал. Прошло минут пять никого не было.

– Ты зачем свистишь? – спросил его Симка.

– Увидишь, – коротко ответил Лбов, – я даром никогда не свищу.

Послышался плеск, из темноты вынырнула лодка и причалила к берегу. Все семеро сели молча, и лодка темным пятном заскользила по Каме. Слезли на том берегу. На опушке, пока ребята закуривали, Лбов подошел к еврейке, молча усевшись в стороне на срубленном дереве, и спросил:

– Чего же ты молчишь и откуда ты на нашу голову взялась? Убивать тебя вроде как не за что, а в живых оставлять тоже нельзя. И куда я тебя дену?

А ночь была такая звездная. И вечер был такой мягкий. Женщина встала, скинула платок и вдруг неожиданно обняла его за шею.

– Милый, – сказала она шепотом, – милый, возьми меня с собой.

Лбов никак не ожидал этого.

– Вот дура-то, и как это ты скоро... Да на что ты мне нужна! – Он хотел было оттолкнуть ее, но она еще крепче зажала руки на его шее и, прижимаясь к нему всем телом, прошептала:

– А может, на что-нибудь?

А ночь была такая звездная, и вечер был такой весенний. И Лбов вспомнил, что собственная его жена теперь отгоро-

жена барьером казачьих шашек, и Лбов уже мягче разжал ее руки.

– Ты дура, – сказал он ей.

И Симке-сормовцу, который стоял недалеко, показалось, что он улыбнулся, а может быть, и нет – разглядеть было трудно, потому что ночь была весенняя, говорливая, но темная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.